

ИННОВАЦИИ В ГЛАГОЛЬНОЙ СИСТЕМЕ СЛАВЯНСКОГО ГОВОРА БОБОШТИЦЫ (обл. Корчи, АЛБАНИЯ)

Славянский говор Бобоштицы (носители называют его *kajnas* ‘у нас’ или ‘как мы’; этот термин будет использоваться и в настоящей статье; алб. название села *Boboshticë*) представляет собой интересный случай островного славянского говора в иноязычном балканском (албанском) окружении. Исторически он являлся частью большого клина южнославянских диалектов, которые существовали в бассейнах рек Девол, Осум, Семан и Вёса до побережья Адриатического и Ионического морей, см. карту славянской топографии в: [Селищев 1931/1981]. В настоящее время кайнас является крайним юго-западным славянским говором. Структурно к нему наиболее близок говор соседнего села Дреновене (*Drenovë*), последний носитель которого, насколько нам известно, живет в Корче. Нам уже приходилось писать о говоре Бобоштицы, прежде всего о его системе местоимений [Макарецев (в печати)], а также о социолингвистической ситуации в селе [Макарецев 2011a] и о шкале ценностей у носителей говора [Макарецев 2011б]. Бобоштенскому славянскому говору достаточно повезло с точки зрения научных описаний: начало исследованиям говора положил А. Мазон, который в 1933–1934 гг. осуществил две экспедиции в Бобоштицу, результатом чего явилась монография в двух частях с описанием грамматики говора, собранием фольклора и личной корреспонденции: [Mazon 1936] и [Mazon, Vajrova 1965]. Благодаря помощи А. Мазона носитель говора Сотир Кунешка смог поехать в Париж для получения высшего образования в области физики. В Париже с ним имел возможность работать в фонетической лаборатории А. Шрамак [Šrámek 1934]. Позднее Бобоштица была

Максим Максимович Макарецев,
Институт славяноведения РАН (Москва)

Работа подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре» (проект «Балканский текст в этнокультурной и этнолингвистической перспективе»).

включена в сетку «Общеславянского лингвистического атласа» под номером 106 [Видоески 1981; ОЛА 1994]. Новый виток интереса к говору начался в наше время, после изменения политической ситуации в Албании и открытия границ. Здесь отметим главу в многотомном описании славянских говоров Албании К. Штайнке и Дж. Юллы [Steinke, Ylli 2007]. В библиографию говора входят и некоторые другие работы¹. Общее, что их объединяет, — это признание большего значения языкового прошлого кайнас по сравнению с настоящим. Как правило, делается попытка описать некоторое «идеальное» состояние говора, в котором он пребывал до начала сильного влияния со стороны албанского литературного языка (в меньшей мере его корчанского диалекта)².

У этого подхода есть свои преимущества, и весьма серьезные: такие исследования интерпретируют говор как часть южнославянского диалектного континуума, связанную с достаточно отдаленными диалектными ареалами (описание говора для ОЛА — [Видоески 1981; Антонова-Василева 2011]), позволяют показать, какие элементы были утеряны с течением времени (это отчасти сводится к сравнению работ А. Мазона и А. Шрамека с материалом позднейших исследований, что задает значительную временную перспективу).

В то же время, изменения, которые произошли в говоре под иноязычным влиянием, но также и в силу логики его внутреннего развития, дают исключительно интересный материал для дискуссии о пластичности языковой системы, причинах и глубине языковых изменений. Таким образом, в центре нашего внимания будет находиться не реконструкция некоторого состояния говора в прошлом

¹ Ср., в частности: Л. Милетич [Милетич 1937а; 1937б; 1937в], В. Шклифов [Шклифов 1971], М. Куртъяд [Courthiade 1988; 1993], Л. Джамо-Дяконица [Djamo-Diaconița 1968; 1982], Л. Спасов [Спасов 2001], П. Асенова [Асенова 2007], Л. Антонова-Василева [Антонова-Василева 2011].

² Это влияние достаточно сильно сказывалось еще в начале 1930-х гг., но крайней мере в области лексики, ср. характерный пример из личного письма (написанного Миле Кунешкой сыну Сотиру в Париж): «*Da imash parasysh da formasash personaliteto tvoje. Da ne kllavash vume nish veç qellimo za koj esi oden tamo. Da ne se sekledisash fare, ako meritun besim sozi djete*» «Имей в виду <следующее> — формируй свою личность. Не думай ни о чем другом, кроме как о той цели, ради которой ты отправился туда. Не колеблись несколько, если этот парень (франц. 'enfant', но также и 'garçon') заслуживает доверия» — [Mazon, Vajrova 1965: 56]). В примере мы выделили курсивом бесспорные лексические заимствования из албанского, к которым можно прибавить фразеологические кальки («*da ne kllavash vume*» < алб. *mos e mbaj në mend*), синтаксические кальки (определение в постпозиции по албанской модели, ср. «personaliteto tvoje»).

(бесспорно, исключительно важная, коль скоро помимо кайнас в нашем распоряжении практически отсутствуют иные данные, свидетельствующие о славянской речи на обширной территории от Корчанской долины и до Ионического моря, за исключением, разве что, топонимики), а его современное состояние.

В какой-то мере акцент на «идеальном» состоянии говора, по крайней мере, в современных исследованиях, вызван причинами социолингвистического характера: если в начале XX века абсолютное большинство жителей села говорило на кайнас, и значительное их количество было моноязычным — албанки из соседних сел, выходявшие замуж в Бобоштицу, и первые переселенцы-арумыны из района Пэрмета (15 семей, переехавших сюда в 1927–1933 гг. — [Dhamko 2010: 131]) учили кайнас, чтобы иметь возможность поддерживать общение, — то в 2011 году в селе оставалось всего шесть носителей, из которых в полном объеме говором владел один человек (Ильо Кунешка, 1925 г. р., младший брат Сотира Кунешки, закончил Французский лицей в Корче и Карлов университет в Праге, работал инженером-техником в Корче). Еще одна носительница (Эльпи Манчо, 1936 г. р., закончила педагогическое училище в Корче, работала учительницей албанского языка в школах области Корчи) хотя и владела кайнас пассивно с детства, начала активно использовать его только будучи взрослой, когда ей три года пришлось ухаживать за больной матерью. Мы имели возможность провести интервью еще с одним носителем: Сотиром Бамбуллы (1927 г. р., закончил институт в Тиране, работал учителем математики и физики в селе, после установления демократического режима в стране стал секретарем Албанской православной Церкви, после того, как главой Церкви стал архиепископ Анастас (Яннулатос), ушел на покой — см. [Макарецв 2011]), но он помнит кайнас гораздо хуже, чем Ильо и Эльпи (ему с трудом удается строить достаточно простые фразы; некоторые элементы грамматики, в частности, систему числительных, он не помнит вообще, а начиная с какого-то момента интервью он полностью перешел на албанский).

Основные особенности кайнас описаны в: [Mazon 1936; Courthiade 1988; 1993; Steinke, Ylli 2007]. В области морфосинтаксиса в кайнас выделяются следующие балканизмы³: 1) грамматикализация определенности, артикль в постпозиции; 2) местоименная реприза (проявляется более ограниченно, чем в литературном македонском); 3) поглощение генитива личных местоимений дативом;

³ Мы следуем порядку, в котором их перечисляет В. Фридман в: [Friedman 2006: 668].

4) значительно редуцированное склонение (хотя и не настолько, как в болгарском и македонском; наиболее полная парадигма склонения выделена А. Мазоном для мужского рода: номинатив, генитив-аккузатив, датив, локатив и специальная звательная форма; в настоящее время с падежными формами в речи Ильо и Эльпи конкурируют аналитические формы выражения падежных отношений при помощи предлогов); 5) аналитические степени сравнения прилагательных (при помощи приставок *po-* и *naj-*); 6) образование числительных второго десятка по славянской модели; 7) «балканский конъюнктив» (*da*-формы); 8) будущее с глаголом желания (кайнас *ža* < **šče da* — [Mazon 1936: 90]); 9) будущее в прошедшем для выражения условных отношений; 10) *иметь*-перфект⁴.

В своем современном виде глагольная система кайнас сочетает элементы, общие для юго-западных южнославянских диалектов, в том числе и не находящихся в контакте с албанским языком; элементы, возникшие под влиянием интерференции с албанским, а также уникальные инновации.

Временная перспектива, в которую мы могли бы поместить рассматриваемые явления, достаточно широка; первые доступные тексты на кайнас относятся к 1873 (письмо бобоштенцев экзарху Анфиму, опубликовано в: [Снегаров 1933]) и к 1874 г. (отрывок речи Д. Цанцо; перевод отрывков из Евангелия), затем следуют сказки и песни, записанные А. Мазоном в 1933–1934 гг. Ряд небольших текстов опубликовал Л. Милетич [Милетич 1937 а; б; в]. В работе К. Штайнке и Дж. Юллы приводится достаточно большой материал по говору (2 часа расшифрованных записей). В экспедициях 2010–

⁴ К этому следует прибавить перфект по аромунской модели *esa dojden* 'я пришел, досл. *я прийден' (ср. македонск. *сум дојден*) — не являясь в строгом смысле балканизмом, он объединяет юго-западные македонские говоры с аромунскими говорами региона, причем по отношению к этой форме нельзя говорить о языке-доноре и о языке-реципиенте. Как кажется, эта форма первоначально возникла в аромунском для того, чтобы передавать оппозицию по виду (*esk*-перфект имеет только значение совершенного вида, в то время как *am*-перфект может передавать значения и совершенного, и несовершенного вида), катализатором чему послужил македонский, в котором есть оппозиция по виду, причем дополнительное влияние на семантику форм оказал албанский язык, в котором вспомогательный глагол в формах перфекта указывает на возвратность: *kam larë* 'I have washed' vs. *jam larë* 'I am washed'. Македонский в этом случае выступает сначала в качестве языка-катализатора (исходно оппозиция по виду была только в македонском), а затем под влиянием аромунского в нем образуются соответствующие формы (*сум дојден* vs. *имам дојдено*); соответственно, аромунский сначала выступает как язык-донор, а затем как язык-реципиент. Ср.: [Марковиќ 2007: 148–150].

2011 г. нами было записано около 13 часов речи на кайнас, из которых на настоящий момент расшифровано около 16 000 слов. Носительница диалекта Эльпи Манчо подготовила записи фольклора (245 тетрадных (формат 17×20 см) страниц на албанском языке и кайнас по состоянию на 2011 г.). В 2011 г. мы работали также по специальной анкете, составленной на основе синтаксической программы МДАБЯ (выборочно — пункты с 6.4 по 6.11, т. е. та ее часть, которая рассматривает наклонение, эвиденциальность и адмиративность, отглагольные существительные и под.), что позволило записывать материал по предварительно выделенным «диагностическим точкам». В рамках анкеты было предусмотрено несколько видов работы, в том числе перевод с албанского на кайнас специально сконструированных предложений. Мы полностью разделяем осторожное отношение к сконструированным примерам и считаем, что анализировать надо прежде всего живую речь. Однако в данном случае перевесили экстралингвистические соображения: желание записать как можно больше материала, пока это еще возможно. Соответственно, в интервью с Ильо мы комбинировали живую беседу на разнообразные темы (мемораты, рассказ об истории села, о работе и т. д.), перевод на кайнас сконструированных нами на албанском примеров, оценивание сконструированных нами на кайнас предложений («можно ли так сказать? хорошо ли это звучит? как бы вы это сказали?»).

В записи текстов на кайнас используется латинская графика с добавочными символами. Символ *ǵ* соответствует албанскому *gj* и, как и *gj*, может реализовываться по-разному в речи разных носителей, от [j] (в случае Ильо) до [d͡ʒʰ] (в случае Эльпи). Ударение выделено подчеркиванием. При цитировании примеров, опубликованных другими исследователями, мы сохраняем их орфографию (и, соответственно, способ выделения ударения).

В настоящей работе мы рассмотрим следующие инновации в говоре: 1) специальную форму прогрессива; 2) «л-перфект»; 3) парадигму л-форм в адмиративном значении.

Для того чтобы показать периферийность некоторых инноваций в грамматике кайнас, вслед за уорфовским *Standard Average European* можно было бы выделить *Standard Average Slavic*, т. е. некоторый условный конструкт, который включил бы в себя те явления, которые наиболее характерны для большинства славянских языков (своего рода теоретико-множественную сумму конвергентных явлений). Когда мы говорим о конвергентных процессах в славянских языках, фактически мы исходим из некоторой «идеальной» славянской языковой структуры, которая не имеет полного воплощения ни в одном из существующих или существовавших славянских языков.

Не похоже ли это типологически на грамматическую структуру балканского языкового союза — конвенциональный конструкт, который не представлен целиком ни в одном из балканских языков, но скорее указывает основные направления их развития?

Одним из явлений, не характерных для *Standard Average Slavic*, является прогрессив, или форма продолженного действия (по значению соответствующая английскому Continuous). В славянских языках прогрессивное значение на морфологическом уровне может выражаться только при помощи несовершенного вида. В то же время, в кайнас, наряду с сохраняемым противопоставлением совершенного и несовершенного вида, по всей видимости, под албанским влиянием возникла перифрастическая конструкция для выражения настоящего прогрессивного: *tija ġe jede lġeb* ‘они едят хлеб [в данный момент]’ (в албанском этому соответствует настоящее время с частицей *po*: *ata po hanë bukë*), ср. *tija sveno jede lġeb* ‘они всегда едят хлеб’ (албанск. *ata ġjithmonë hanë bukë*).

В текстах 70-х гг. XIX в. и в записях фольклора, сделанных А. Мазоном, слово *ġe* (в орфографии Мазона *gje*) имеет прежде всего значение локативного показателя (‘где’ или ‘там, где’). Достаточно редко встречается временное значение (‘когда’): «Na godinata mu se rodi eno dġete. Tos detġeto rastġeshe mnogo. Dur ġje ne bje rodeno detġeto, zhivġeje mnogo dobre; otqen se rodi detġeto, mu vlġeze ena grizoma golġema» (‘В тот год родился у них ребенок. Этот ребенок рос быстро. Пока не родился ребенок, они жили очень хорошо, а когда родился, у них началась большая нищета’ — [Mazon 1936: 320]); «Vo sozi dhias-tima shġo zborvġeje, petello so kokoshġeje kajshġo si karġġeje, i kuġġeto, k’i pulġeshe, taka mu reġe petellutomu: „N’e te stram, mu reġe, gospoino ġje se fale vo bolest, esti qederosan, a ti toko igrash so kokoshġeje?“» (‘В то время, когда они говорили и когда петух кудахтал с курами, собака, которая на них смотрела, так сказала петуху: «Как тебе не стыдно, — сказала она, — в то время, когда наш хозяин болеет, опечален, ты только гуляешь с курами?»’ — [Mazon 1936: 296])⁵. В записях Мазона был также найден один случай употребления *ġe* вместе с *da* для выражения цели: «A mor ġarni, mu reġe toj golġemjo, ne znġete vije shġo pati je: marġeto viġġeshe, vollo revġeshe, toj so grebeneco skokaj ot grġenda vo grġenda ġje da m’ubġese, oveno i kozata tarġej ot rok vo rok da najde litar da m’ubġese» (‘Эх, бедолага, — сказал ему большой

⁵ Перевод А. Мазона: «Cependant qu’ils parlaient, le coq et ses poules gloussaient, et le chien, les voyant, dit au coq: „N’as-tu pas honte, lui dit-il, alors que le maître tombe malade et a du chagrin, de ne faire que jouer avec tes poules?“»

[волк], — вы не знаете, как я страдал: осел ревел, вол мычал, тот, с гребешком, скакал с балки на балку, чтобы меня повесить, баран и коза бегали из угла в угол и искали веревку, чтобы меня повесить' — [Mazon 1936: 190]]⁶.

Большинство примеров с *gé* в текстах, приводимых Мазоном, интерпретируется достаточно просто (обычно это пространственный или временной шифтер; остальные значения, например, цель, встречаются редко, и их нельзя истолковать однозначно), ср., однако, более сложный случай: «*Mu otvori je portata, vljéze natri, mu dade vafto, go pribraje. Mu veli: „Gj'e çupata?“* — „*Ja gj'eje, gj'e pllaci*!“» ('Ему открыли дверь, он вошел внутрь, поприветствовал их, они его. Он им говорит: «Где девушка?» — «Вот она, [gé] плачет»' — [Mazon 1936: 334]). Мазон переводит «*La voilà qui pleure*» ('Вот она, которая плачет'), по всей вероятности, интерпретируя *gé* как комплементарный коннектор (ср. мак. *deka* и греч. *пов*). Но из текста, строго говоря, это не следует («Вот она где, — плачет»; «Вот она, сейчас плачет_{Progr}»⁷). Если рассматривать этот пример изолированно, то может показаться, что общее значение *gé* ясно из контекста. Однако в дальнейшем в текстах на кайнас *gé* используется в качестве показателя прогрессива с гораздо большей очевидностью. Ср. в письме Констанцы племяннику Сотиру в Париж: «*Za tos opet gj'e ti vela da siësh reat i da iësh para mпого*» ('Поэтому я опять тебе говорю: не беспокойся и не экономь на питании' — [Mazon, Bajrova 1965: 70])⁸. Очевидно, что *gé* в данном предложении не означает ни 'где', ни 'когда', ни 'который' и вполне надежно интерпретируется как показатель прогрессива ('Поэтому я опять тебе говорю_{Progr}').

⁶ Отметим, что употребление *da* без *gé* было бы достаточно для выражения значения цели. Во французском переводе А. Мазона используется конструкция цели с *pour*: «*Eh, malheureux! leur dit le grand loup, vous ne savez pas ce que j'ai souffert: l'âne criait, le bœuf mugissait, l'animal à la crête sautait de solive en solive pour me pendre, le bélier et la chèvre se jetaient d'un coin dans l'autre pour trouver la corde*». Отметим, что в принципе возможно и другое толкование приведенного отрывка, когда *gé* интерпретируется не как показатель цели, а как локативный маркер, например, если исходить из того, что рассказчик пропустил необходимый по смыслу глагол: «*toj so grebenesco skokaj ot grjënda vo grjënda [i išče] gj'e da m'ubjëse*» («этот, с гребешком, прыгал с балки на балку и искал, где бы меня повесить»).

⁷ В последнем случае в албанском переводе использовался бы прогрессив: *Ja ku ëshitë, po qan*.

⁸ Во французском переводе А. Мазон отчасти отражает прогрессивное значение: «*C'est pourquoi, je te le dis encore, reste là tranquille, et mange bien*» (*encore* 'еще; опять; вдобавок, кроме того'). Впрочем, здесь *encore*, по всей видимости, переводит *opet* 'опять'.

Эта интерпретация приведенных примеров так бы и осталась на грани догадки, если бы не наше интервью с Ильо Кунешкой, который прокомментировал свое использование показателя *gé*.

При переводе *Ata po këndojnë* 'Они поют_{прогр}' Ильо использовал следующую форму: *Tija gé pjã sega*, и уточнил: *Toz „gé“ esti „po“*. „Po“ *to albaska esti „gé“*, „*gé pjã*“. „*Tija gé jede ljepr*“. „*Tija gé pjã*“. „*Tija gé tarçe*“. <...> „*Tashi po pi raki*“. „*Sega gé pijam rakija*“. <...> „*Tashi po filloj*“. „*Sega gé kijnjsva*“ ('Это «*gé*» переводится как «ро». «Ро» по-албански это «*gé*», «*gé pjã*» 'сейчас поют'. «Они сейчас едят хлеб». «Они сейчас поют». «Они сейчас бегут». «Сейчас я пью ракию». «Сейчас я начинаю») Этот показатель он использовал и в других случаях: так, алб. *Tani po pushon, por pas ca minutash duhet të ecë* 'Сейчас он/а отдыхает, но через несколько минут ему/ей надо будет идти' Ильо перевел как *Sega gé sjãdi, toko za tro minute trjãbi da bara*⁹. *Po gjëmon — Gé garmi. Sega gé garmi* 'Гремит гром (алб.); Гремит гром. Сейчас гремит гром (кайнас). Эти формы используются также в имперфекте: *Gé pišej filadha i dojde çovjãko* 'Я писал письмо / книгу, и <в это время> этот человек пришел'¹⁰.

В какой мере конструкции с *gé* можно считать заимствованным из албанского? Формально *gé* + настоящее время в кайнас соответствует *po* + настоящее время в албанском, но *gé* и *po* в словарных значениях едва ли являются переводными эквивалентами. Если для *gé* развитие семантики, по всей видимости, было следующим: местоименное наречие места > временной показатель > прогрессив, то неясно, как это сопоставить с албанским *po*. В современном албанском (различия между корчанским диалектом и литературным языком здесь несущественны) *po* имеет следующие значения: утвердительная частица ('да'); топик вопроса (*Unë jam nga Shqipëria. Po ti?* 'Я из Албании. А ты?'); уступка ('но'); условие ('если'); прогрессив. По всей видимости, албанский прогрессив сыграл скорее роль катализатора: в связи с развитием двуязычия носители кайнас начали ощущать в своем языке лауну в системе значений, которая была заполнена при помощи собственных языковых средств.

⁹ Отметим, впрочем, что албанское предложение с прогрессивом, выраженным деепричастием, *Jam duke vrapuar* 'Я сейчас бегу' Ильо перевел как *Esa tarçeniçkim* «Esse.1sg + 'бегать'.Part». В корчанском говоре, как и в литературном албанском языке, используются обе формы прогрессива, с *po* и с деепричастием, см. [ADGJSh], карта 320, вопрос анкеты 131, с. 391. В ответ на наш вопрос он добавил, что это совершенно нормальное предложение, и он вполне мог бы сказать его на кайнас. Однако, в отличие от конструкций с *gé*, он не употребил такой формы ни разу.

¹⁰ Все эти примеры сконструированные.

Вопрос о том, насколько конструкции с *ge* в значении прогрессива вошли в систему говора, остается открытым. Для ответа на него следовало бы собирать и анализировать примеры из живой повседневной речи, потому что жанр предметного интервью все же накладывает определенные ограничения на речь информатора. Следует учесть, что мы имеем дело с единственным носителем кайнас, владеющим грамматикой в относительно полном объеме. Эльпи Манчо таких конструкций не употребляет (Эльпи и Ильо обычно разговаривают между собой на албанском). Не исключено, что в случае кайнас начала XXI века вообще нельзя говорить о существовании функционального стиля повседневной разговорной речи (который подразумевает наличие как минимум двух говорящих), и, таким образом, вопрос о прогрессиве также останется открытым.

Вторая тема, связанная с инновациями в говоре, — это употребление перфекта по модели «Esse + л-форма полнозначного глагола» [Макарецв 2011в].

На южнославянском пространстве выделяются следующие формы перфекта: 1) Esse + л-форма полнозначного глагола (болг. *дошъл съм, дошъл е*; макед. *дошал сум, дошал*; сербск. *дошао сам, дошао је*; в македонской грамматической традиции это перфект I; 2) *Habere* + окаменевшая форма страдательного причастия на *n/m* (макед. *имам напишано, има напишано*); в македонской грамматической традиции это перфект II; 3) Esse + страдательное причастие на *n/m* (макед. *сум дојден (-а, -о), е дојден (-а, -о)*), в македонской грамматической традиции это перфект III. В македонском литературном языке существуют все три перфектных формы, в то время как болгарский и сербский знают только перфект I¹¹. В македонских диалектах прослеживается следующая тенденция: в направлении с северо-востока на юго-запад л-формы как морфологические показатели последовательно исчезают (имперфектное л-причастие; формообразующее *бил*; вспомогательный глагол ‘быть’ в третьем лице), а там, где они используются, их значения ограничиваются (перфектное; репортативное), см. схему, опубликованную в [Friedman 1988]. По техническим причинам эта схема была опубликована без изоглосс. Изоглоссы носят условный характер:

¹¹ Болгарские формы «имам написана статия» (‘у меня написана статья’) мы в данном ряду не рассматриваем, поскольку вслед за Р. Ницоловой, К. Мирчевым и Й. Пенчевым считаем их свободными сочетаниями слов, а не грамматализованными конструкциями [Ницолова 2008: 270]. Т. Бояджиев выделяет формы, построенные по модели «*Habere* + неизменяемая форма полнозначного глагола на *n/m*», в болгарских юго-западных и фракийских говорах [Бояджиев 1968: 460], таким образом, нельзя говорить, что они принадлежат исключительно македонскому.

Комментарий к схеме:

Семантические изоглоссы:

a — л-формы вышли из активного употребления и являются языковым архаизмом;

b — л-формы — маркированные показатели эпистемического недоверия; появляются формы *има имано*, *има бидено*;

c — появляются формы типа *имаше дојдено*;

Морфологические изоглоссы:

d — полностью исчезает связка в третьем лице л-форм;

e — *бил* может использоваться в качестве связки;

f — исчезают л-имперфектные формы.

Соответственно, ожидается, что в кайнас не должно быть перфекта I, а л-формы должны быть показателем дубитатива (возможно также адмиратива). Действительно, Мазон выделяет в кайнас только формы перфекта II и III (*da spomenvime dobrinede te tiam ščo ime storéno vo selóto naše*¹² 'будем вспоминать то благое, что они сделали в нашем селе'; *ésti dójden en čovek* 'пришел один человек' — [Mazon 1936: 89]). Мазон пишет, что л-причастие (*participe passé actif*)

¹² У Мазона написание *ll / l* обозначает «твердое» л («как в русском языке»), МФА: [l̪].

не используется для образования форм перфекта, а его присутствие в некоторых песнях или свидетельствует о том, что данные песни были заимствованы из других регионов, или является архаизмом. Согласно Мазону, можно также выделить примеры, в которых *л*-формы имеют функции адмиратива (*oh, kume, tuva si bill!* 'о, кум, да это ты!'; *ščo si bil júnak* 'какой храбрец!'; *ščo si bila izgoráno kaj sarcéto moje!* 'ты подгорела, как мое сердечко!'¹³; *am ka ne zñjell!* 'как же это он не знал!' [Mazon 1936: 92] — отметим, что все они взяты из сказок, где степень клишированности языка ниже, чем в песнях¹⁴).

Тем более удивительно достаточно большое количество примеров с *л*-формами в претеритном значении, приводимое у Штайнке и Юллы ([Steinke, Ylli 2007: 333–335] — почти семьдесят под заголовком «перфект» и еще 24 под заголовком «ренарратив», притом что количество собранного ими материала при самом грубом подсчете почти в десять раз меньше, чем у Мазона.

Уточняет функции употребления *л*-форм в кайнас М. Куртъяд [Courthiade 1993: 311]: он выделяет значения незасвидетельствованности, адмиративности («со значением, в точности соответствующим албанскому адмиративу») и кондициональности (последнее значение необычно для балканославянских *л*-форм и, по всей видимости, образовано на основе форм типа макед. *би*_{быть.Subj} *дошо-л-ø*_{прийти-1part-Masc} болг. *би-х*_{быть.Subj.1sg} *дошь-л-ø*_{прийти-1part-Masc} '(я) бы пришел' с пропущенным вспомогательным глаголом). К сожалению, парадигмы *л*-форм в его работе не приводятся, как и новые примеры на перечисленные значения (Куртъяд отмечает, что носители кайнас знают эти формы, но ни разу не употребили их при заполнении его анкеты, поэтому он использует примеры Мазона). К незасвидетельствованности и адмиративности у *л*-форм в кайнас мы еще вернемся.

Если принять во внимание все сказанное о значениях *л*-форм в кайнас и о месте этого островного диалекта в балканославянском диалектном пространстве, возникает закономерный вопрос: откуда у *л*-форм в кайнас появилось перфектное значение?

¹³ Героя сказки угощают подгоревшей едой, и он произносит эту фразу, чтобы подать знак, что он влюблен в дочку ходжи.

¹⁴ Если исходить из концепции Перри-Лорда, согласно которой народные песни (А. Лорд пишет прежде всего об эпических песнях) каждый раз создаются заново с использованием клише: «Даже в пределах ограниченного материала, использованного в нашем эксперименте (т. е. 12 тысяч строк), четверть всех целых стихов выбранного отрывка и половина полустихий представляют собой формулы» [Лорд 1994: 61]. В то же время, сказки не имеют жесткой ритмической структуры, и поэтому, как и любой пересказываемый прозаический текст, не требуют такого частого использования клише и формул.

Это можно было бы объяснить через «архаичную периферию»: кайнас мог бы быть периферийным ареалом, где л-формы сохранили перфектное значение, в то время как инновационные для македонской языковой системы перфект II и III значительно продвинулись на территорию западных и юго-западных македонских говоров, вытеснив или значительно потеснив в них перфект I¹⁵. Однако, если эти формы являются архаизмом, то следовало бы ожидать, что в 1930-х гг. они бы использовались не менее, а скорее всего, более часто, чем в начале XXI века. Но оказывается, что в 1930-х гг. перфект по такой модели в говоре не выделяется: следовательно, он возник в последние семьдесят лет. Откуда?

Прежде всего отметим, что перфект I используется в речи только одного информанта — Ильо Кунешки. Приведем выборку из наших записей:

Jaskaj pitaj: „Da oda vo Korča da raboṭa, čun̄ki imam starciṭi sami“. *Ne saḱal'e da begam od Tirana. Ama togaz sviṭi l'udi saḱal'e samo vo Tirana da ode, koga jas saḱam da oda tuḱa vo selo* ‘Я сказал: «Поеду в Корчу работать, потому что там мои старики остались одни». Они не хотели, чтобы я уехал из Тираны. Но тогда все хотели ехать только в Тирану, а я хочу сюда, в село»; *Makineriete od tekstil' ese dalge, poveketo ese dalge, ese petnajse metri dalgi i taḱa telka široke. Toko taz tiä ne se moḱel'e da se transportojve* ‘Текстильные машины длинные, по большей части длинные, в длину пятнадцать метров и вот настолько широкие. Но их нельзя было перевозить»; *Tienta tehnika razbervev. Za teknični taḱa, razbervev toz, ne bjä gol'emo. A togaz sem znaḱ! podobre ruskiot od dnes, da.* ММ: *A ge go učeṭe, vo Praga?* ИК: *Ne-ne-ne-ne, i vo Praga, nijde ne sem* ‘Я немного разбирался в технике. В технических вещах, это было не сложно. А тогда я знал русский лучше, чем сейчас, да. ММ: А где вы его учили, в Праге? ИК: Нет-нет, не в Праге, нигде не учил <специально>»; *Tie svjä ščo bjäje od Iztok, rusite ne i saḱaa. Ne ti francite ne i saḱat. I tijä ne saḱal'e. Taḱa, taḱa, ne saḱal'e* ‘Все они, которые были в Восточной Германии, не любили русских. И французов не любили. И они не любили. Так, так, не любили»; *Sija ščo bjejäje tamo, od ministerstvata l'udi, čun̄ki mu rekoj, „Ruski da zborvime ili francuski“, tijä ni te francuski ne saḱal'e. I tijä so sve ščo bjäjme, bjäje OTS, od istok, tijä ne saḱal'e da mi pomoḱet. Ne saḱal'e*

¹⁵ О противопоставлении центра и периферии sub specie оппозиции «инновация / архаизм» см. [Толстой 1977/1999]; М. Бартоли писал о том, что периферия обычно более архаична, чем центр [Bartoli 1945], П. Асенова указывает на балканославянские языки, которые находятся на периферии славянского языкового пространства, но при этом включают в себя большое число инноваций; фактически на периферии инновации сосуществуют с архаизмами [Asenova 2012].

da mi dadat makine ‘Все, кто был там, люди из министерств. Потому что я сказал ему: «По-русски будем говорить или по-французски?» А они даже французский не любили. И даже при том, что мы были в ОТС¹⁶, на востоке, они не хотели нам помочь. Не хотели дать мне машины’; *Mu zboruvaj vo italjanski. Mallo zboruvam italjanski. Toko tro malo znael’e, znal’e tie italjanski* ‘Я с ним говорил по-итальянски. Я немного говорю по-итальянски. Только они мало знали по-итальянски’; *I tamo i kupi i vo Praga, i vo Berlin, i vo Ungarija, sam kupil mašinerije, i montiraj tua jas, vo Korča.* ‘И там я их купил, и в Праге, и в Берлине, и в Венгрии, я купил машины и монтировал их тут, в Корче’; *Francuskot ima regula, ima <...> nešta. I za nas francuskot... ja se počnal vo gimnazo francuskot, gimnazio tua vo Korča. Mi mjäše profesori francezi, i sme imali profesori francuzi, i od koga se počnuva od mladi, se uči podobre* ‘Во французском есть правила, есть <...> вещи. И для нас французский... я начал учить французский в гимназии, в гимназии тут, в Корче. У нас были французские преподаватели. Когда начинаешь учить язык с юного возраста, он учится лучше’; *Tamu si kujej mašinerije. Toko vo Českoslovakia gu mej l’esno, čunki tu sam znal jazikot* ‘Там я купил машины. Но в Чехословакии это было легко, потому что я знал их язык’; *Sega nemam so kogo da zborva i francuski. Toko francuski jazik ne sam zaboravil’, čunki vo biblioteka vo Korča, ima ena biblioteka samo so knige, francuske knige. I joz... i sega ne zemam, toko ponapre, i koa rabotaj vo Korča, erkoj mjäsec odaj zemej po tri-četir filade, knigi, na francuski, samo na francuski jazik. I taka sam čital’ jazikot* ‘Сейчас мне не с кем разговаривать и на французском. Но французский я не забыл, потому что в Корче есть библиотека, в которой только французские книги. И я (?)... сейчас я (их) не беру, но раньше <брал>. И когда я работал в Корче, я каждый месяц ходил туда, брал по три-четыре книги на французском. Только на французском. И так я читал на языке’; *Toko nie sme počnal’e da učime... čunki i italianski jazik esti blišku so francuski. Tua imejme, četir godini imejme italianski tua. I tija italianski imal’e mnogo vojska tua, vojski* ‘И вот когда мы начали учить... потому что итальянский язык похож на французский. Здесь у нас итальянцы были четыре года. И у этих итальянцев тут было много войска’; *Ja sam bil’ mlad togaz* ‘Я тогда был молодой’; *Ja sam pil’ voda* ‘Я пил воду’¹⁷.

¹⁶ Ильо произносит это как аббревиатуру [o-t-sã]. Когда мы обрабатывали записи, мы не смогли выяснить, что это такое. Албанцы не смогли нам в этом помочь.

¹⁷ Последний пример — изолированный. Большой отрывок из интервью с Ильо Кунешкой, в котором средняя частотность л-форм гораздо выше, чем в среднем в речи Ильо, приведен в конце статьи. Всего в

Можно видеть, что *л*-формы в речи Ильо имеют некоторые характерные особенности, отличающие их употребление от описанного Мазоном. Прежде всего, это смягчение согласной *л*. Множественное число *л*-форм (*sakal'e, znal'e*) в данном случае не так показательное, потому что перед *e* в говоре *л* смягчается. Однако в единственном числе смягчение возникает в абсолютном конце слова: *sem znal', sām pil', sem imal', ja sakal', ne sām zaboravil', sām čital'* (ср. приводимые Мазоном формы: *zsnála, pominála, teknało, puščíla, si bill, si bil, ne znyěll*; в речи Ильо в большинстве случаев в этой позиции *l* мягкий, мы нашли только один пример с твердым *l*: *sām znal'*). Затем, это характер гласной основы вспомогательного глагола 'быть': не только *alǎ*, как обычно в связке 'быть' в кайнас, но также и *e*¹⁸.

Для объяснения этих особенностей следует обратиться к истории жизни Ильо Кунешки. В 1946–1951 гг. он учился в Праге, в Карловом университете, где выучил чешский язык, на котором говорил свободно. Мог ли повлиять на него чешский язык, в котором существует одна генерализованная форма прошедшего времени? Перечисленные особенности характерны именно для чешского претерита. Если в кайнас есть два вида *л*: [л] и [л'], то в чешском только одно *л* — «среднеевропейское»; соответственно, если в кайнас исторически в *л*-формах конечный гласный был твердым, то его мягкость в речи Ильо может свидетельствовать об аналогиях с чешским претеритом. Кроме того, гласный основы первого лица вспомогательного глагола *byť* в чешском — именно *e* (в речи Ильо гласный основы реализуется чаще всего как *ǎ*, иногда как *e*).

Второй источник *л*-форм в речи Ильо, по всей видимости, — македонское радио, которое он часто слушает. Ср. частое использование частицы *ke* вместо *ža* для образования будущего времени; перенос ударения на третий слог от конца вместо второго, ср. *godini* и *gódini*; аорист на *-v* вместо *-j*. Ильо известно, что в македонском повествовательном фольклоре и стилизациях под него в основном используются *л*-формы. В подготовленной нами анкете, основанной на вопроснике МДАБЯ, было следующее предложение для перевода с албанского на кайнас: *Natën e morën nga shtëpia dhe e sollën tek kadiu* 'Ночью ее забрали из дома и отвели к кадии'¹⁹. Услышав архаизм «кадия», Ильо истолковал эту фразу

расшифрованных на настоящий момент фрагментах интервью с Ильо (свободный рассказ об истории жизни; 3 200 слов) было найдено 33 *л*-формы.

¹⁸ О вспомогательном глаголе мы еще будем говорить в связи с парадигмами *л*-форм в адмиративной функции.

¹⁹ См. [Соболев 1997: 61, № 5].

как отрывок сказки и перевел ее на кайнас со следующим комментарием: *Nojčata jo zvjäje od kaščata i jo zavedoje u kadijata. Vo sjäz jaziciti blizko tua vel'e „jo zemal'e“, toko nie velime „jo zvjäje“, vel'ime nie vo Boboshtica* ‘Ночью ее забрали из дома и отвели к кадии. В языках, на которых говорят неподалеку, говорят «jo zemal'e», а мы в Бобоштице говорим «jo zvjäje»’.

Косвенным подтверждением тому, что описанное использование л-форм является особенностью идиолекта Ильо, может служить тот факт, что в речи других носителей не зарегистрировано ни одной такой формы, в то время как перфект типа *imat*_{иметь.lsg} *bandjä-n-o*_{быть-n/part-Neut} ‘я был’ (ср. лит. макед. перфект II *имам бидено* ‘то же’) и (*j*)*esa*_{быть.lsg} *dojde-n*_{прийти-n/part} ‘я пришел’ (ср. лит. макед. перфект III *сум дојден* ‘то же’) употребляются свободно. Отсюда их использование в контекстах, которые требуют аориста / имперфекта или перфекта (кайнас: *bjäj*_{быть.lmpf} или *imat bandjäno* ‘я был’), а также в контекстах, которые К. Штайнке и Дж. Юллы называют ренарративом. Мы считаем, что в идиолекте Ильо перфект I приобрел статус немаркированного претерита — как в чешском языке. Поэтому он может употребляться вместо аориста / имперфекта или перфекта, при том что последние формы не теряют своего значения и не смешиваются друг с другом. «Перфект на -л» — на самом деле не перфект, а генерализованное прошлое²⁰, употребленное под чешским влиянием²¹ в контексте, который требует перфекта.

Не исключено, что функции описанных форм в идиолекте Ильо Кунешки несколько сложнее, чем только «генерализованное прошлое». В частности, обращает на себя внимание, что глагол *saka* ‘хотеть’ в претеритных контекстах имеет только форму *sakal'e*, а форм аориста / имперфекта у этого глагола в нашем материале не зарегистри-

²⁰ Термин «генерализованное прошлое» (generalized past) используется Р. Александер [Alexander 2001] в описании болгарских л-форм, которые могут выступать и как перфект, и как показатели косвенной эвиденциальности (несвидетельские формы / пересказывательные формы / конклюдив). Этот термин позволяет описывать их как максимально немаркированную категорию, которая передает те или иные значения в зависимости от контекста.

²¹ Ильо также читает по-словацки (с опорой на чешский) и по-русски (он выучил его самостоятельно) — то есть на языках, где л-формы также используются в функции генерализованного прошлого. Впрочем, едва ли влияние этих языков может проявляться в его речи: он владеет ими пассивно, никогда не говорил на них, и кроме того, его знакомство с ними ограничено технической литературой.

стрировано. Возможно, Ильо не умеет образовывать аорист / имперфект от этого глагола²². Можно попробовать выделить ряд значений «перфекта I» («рамка»²³, статальный перфект, действие, предшествующее точке референции в прошлом²⁴, однократное действие в прошлом²⁵, повторяющееся действие в прошлом²⁶), но несложно убедиться, что те же самые значения можно выделить или у перфекта II и III, или у аориста, или у имперфекта, а у «перфекта I» не остается собственного значения, которое бы отличало его от всех остальных форм. Поэтому мы бы назвали «перфект I» в функции претерита внесистемной гетерогенной формой: на уже имеющиеся в системе л-формы были распространены чешские правила употребления, возможно, что некоторое влияние оказали также л-формы в стандартном македонском языке.

Помимо функции немаркированного претерита, л-формы могут выражать значения, обычно связываемые с албанским «адмиративом» (*mënyra habitore* — [Courthiade 1993]): их основное значение — выражение эмоций говорящего (не обязательно удивление), сомнения. Эвиденциальное значение может встречаться в кайнас только как производное от контекста, как и в албанском. Это совпадает с отмеченной В. Фридманом тенденцией к ограничению значений л-форм в македонских диалектах при движении с северо-востока на юго-запад. В то же время, структура л-форм в кайнас, бесспорно, инновационная, ср. спряжение адмиративного перфекта (мы попросили Ильо перевести на кайнас албанскую конструкцию *Unë paskam marrë paratë* ‘Это я-то взял деньги?!’) и проспрягать ее:

<i>jăskaj ĩmal zviđto</i>	<i>nje ĩmalte / ĩmalo zviđto</i>
<i>tj ĩmal zviđto</i>	<i>vje ĩmalte / ĩmalo zviđto</i>
<i>toj ĩmal zviđto</i>	<i>tje ĩmalo zviđto</i>

²² Ср. предложение *I brat i ĩmjăše završeno, i jas saka da oda da nauča* ‘И мой брат закончил их, и я хотел поехать, чтобы научиться’, в котором вместо ожидаемой формы **sakaj* использована «чистая» основа.

²³ То, что Р. Ницолова описывает как одну из основных функций (болгарского) перфекта: «время, которое используется для передачи обобщений, выводов, констатаций, то есть во всех тех случаях, когда речь идет не о конкретном протекании процессов, а только о фактах» [Ницолова 2008: 295].

²⁴ Т. е. значение, которое в болгарском и македонском передается плюсквамперфектом.

²⁵ Т. е. то же значение, что и у аориста в кайнас.

²⁶ Т. е. то же значение, что и у имперфекта в кайнас.

Отметим, что в принципе здесь возможны расхождения со спонтанной речью, но, к сожалению, как уже было сказано, у нас не было другой возможности быстро получить языковой материал по редко используемым категориям. (Ад)миратив²⁷ в кайнас является именно редкой категорией: в расшифрованном нами до сих пор материале л-формы в (ад)миративном значении встречаются исключительно редко, до сих пор в спонтанной речи была зарегистрирована всего одна такая форма: *Mnogo masno go nauçil, pa ti esi boboshtjenin bre!* 'Ты очень хорошо это выучил, да ты вообще бобоштенец!'

В приведенной выше парадигме связка не употребляется. В то же время, Ильо может образовывать и (ад)миративные формы со связкой 'быть' в настоящем времени или имперфекте / аористе. Например, албанское предложение *O, qenke njeri i pasur!* 'О, а ты богатый человек!' (подчеркнутая форма — (ад)миратив) Ильо перевел двумя способами:

1. ('быть'_{Аор/Impf} + л-форма)

<i>O, ti</i>	<i>biã</i>	<i>bi-l-ø</i>	<i>çovjek</i>	<i>zengin!</i>
О ты	быть _{Impf/Аор}	быть _{l-part-Masc}	человек	богатый
2. ('быть'_{Præs} + л-форма)

<i>O, ti</i>	<i>si</i>	<i>bi-l-ø</i>	<i>zengin!</i>
О ты	быть _{2sg}	быть _{lpart-Masc}	богатый

Судя по всему, конструкция типа 'быть'_{Аор/Impf} + л-форма возможна только для настоящего времени, в то время, как 'быть'_{Præs} + л-форма могут использоваться как в настоящем, так и прошедшем²⁸.

²⁷ Так С. Дилэнси [DeLancey 2007] предложил изменить термин *admiraive*, предложенный еще О. Дозоном, совершенно справедливо утверждая, что с *admiration* 'восхищение' у этой категории мало общего, а скорее имеет смысл говорить о выражении непосредственной реакции говорящего на новую для него информацию — *unprepared mind* 'неподготовленность'.

²⁸ По словам Ильо, фразы *O, so как dobre* хорошо *biã*_{быть.1mpf/Аор.2/3sg} *bi-l-o*_{быть-lpart.Neut!} ('быть'_{Аор/Impf} + л-форма) 'Как же хорошо!' и *so как dobre* хорошо *bi-l-o*_{быть-lpart.Neut!} являются синонимическими. В то же время, албанское предложение *O, ti ты pas-ke* иметь.Part-иметь.2sg *qenë*_{быть.Part} *i-pasur*_{Masc-богатый!} 'О, да ты богат!' может иметь несколько переводов в кайнас — *O, ti ты esi*_{быть-2sg} *bande-n*_{быть-Part} *zengin*_{богатый!} ('быть'_{Præs} + причастие на -n в ср. р.); *O, ti ты si*_{быть-2sg} *bi-l-ø*_{быть-lpart-Masc} *zengin*_{богатый!} ('быть'_{Præs} + л-форма); *O, ti biã bande-n*_{быть-Part} *zengin*_{богатый!} ('быть'_{Аор/Impf} + причастие на -n в ср. р.), но не **O, ti ты biã*_{быть.1mpf.2/3sg} *bi-l-ø*_{быть-lpart-Masc} *zengin*_{богатый!}

Отметим, что в парадигме (ад)миратива, в отличие от «генерализованного прошлого», связка опускается во всех трех лицах. По структуре эта парадигма исключительно интересна: во множественном числе допускается синонимическое употребление двух конструкций. Первая из них включает вспомогательный глагол 'иметь' в форме среднего рода (*imalo*). Во второй из них мы имеем дело со связкой, переосмысленной в качестве глагольного окончания. Соблазнительно усмотреть здесь следование албанской модели: *pas-kemi marrë = imal-me zvjäto*; *pas-keni marrë = imal-te zvjäto*, тем более что в этой форме причастие в кайнас, как и в албанском, имеет усеченную форму (отброшено окончание рода и числа). Укажем, что по окончанию (*-me, -te*) мы не можем определить, идет ли речь о сокращенной форме глагола 'быть' или 'иметь' (*esme / imame? este / imate?*), но скорее всего это был глагол 'быть'. Нам не известны балканославянские диалекты, где бы *л*-формы имели вспомогательный глагол 'иметь'; его пропуск в третьем лице также свидетельствует в пользу глагола 'быть' — глагол 'иметь' присутствовал бы во всех трех лицах. Из этого следует, что если мы примем албанское влияние в качестве решающего для образования данной формы, то албанский (ад)миратив скорее играл роль катализатора, чем источника кальки: форма образована из собственного материала говора.

Каковым бы ни был источник этих форм, типологически это сближает кайнас с другими славянскими языками и диалектами, причем достаточно удаленными, резко противопоставляя его соседним южнославянским языкам и диалектам. Спрягаемые формы *л*-причастия появились в польском языке. Исчезновение связки во всех лицах произошло в восточнославянских языках (прошедшее время в русском, украинском и белорусском). Исключительно интересный материал для сравнения с кайнас дает полабский язык, оказавшийся в похожих социолингвистических условиях в середине XVIII в. В нем одним из наиболее употребимых времен был «претерит» (*л*-формы), в котором обычно опускалась связка: *joz krodäl* 'я крал', *täj krodäl* 'ты крал', *vön smól-sä* 'он смеялся'²⁹ [Lehr-Splawiński 1929: 233].

Уникальные особенности, которые кайнас развил под иноязычным влиянием, свидетельствуют и о пластичности языковой системы идиома, находящегося под угрозой исчезновения. Конечно, по внеязыковым причинам наш анализ языковой системы основан всего на одном идиолекте, но не с изменений на идиолектном ли уровне начинается изменение всей языковой системы?

²⁹ И, отметим, под влиянием немецкого возникла особая форма перфекта с «иметь»: (*vön*) *to vöijädöna* 'он съел' [Lehr-Splawiński 1929: 235].

Приложение. Образец речи Ильо Кунешки

<p>Se <u>odeše</u> vo gimnazium vo Korča. <...> Vo Lise franse. <u>Taka odaj</u> jeskaj, <u>počnaj</u> da <u>odam</u>. Po <u>nodze</u> <u>odjme</u>. I se <u>varnejme</u> <u>večerta</u>. <u>Kata den</u>.</p>	<p><Люди> ходили в гимназию в Корче. Во Французский лицей. Так я ходил, начал ходить. Мы пешком ходили. И возвращались вечером. Каждый день.</p>
<p>MM: <i>Kolko sati odajte tamo?</i> IK: <i>Nekoj sat i četirjese minuti. Da-da, se odi do Korča, po noze i da se varniš. Taka sme se odeli, i sos e čudno, da go pišite ako se moži, šo od drugite sela ne odea da uče vo gimnazium vo Korča. Boboščjani odaje.</i></p>	<p>MM: Сколько времени занимала дорога? ИК: Около часа сорока минут. Да-да, пешком идешь в Корчу и возвращаешься. Так мы ходили, и это интересно, напишите, если можно, что из других сел не ходили учиться в гимназию в Корче. Бобоштенцы ходили.</p>
<p>MM: <i>Žošo od drugite sela ne odaje?</i> IK: <i>Žošo ne sakale da se uče. I toa se počna od brat mi. Brat mi beše trinajset godini pogol'em od mene. I toj se taka počna, po nodze se odješe i po noze se varneše. I togaz se odeše na utrinata, od na osam sato do dvanajse, posl'e od na dva, dur na četjri. Po četjir sato nje <...> nojčata, zimata esti nojča goljama. Rekojme za sneg, tashj ima mnogo vo Moskva, tuku i tja snjag nekoj den odi taka. I pato ne mjāše mnogo automobili šo da pomjine. Pato ne mjāše ni eden avtomobil'. Da baraš vo sneg dur tja, po nodze taka. Taka sme počneli da odime. Devet godini bje Liseto franse. Od tuka odej vo Korča, toko posl'e jas počna so bičikl'eta sen'e. Nekoj tri godjine so noge, so nodze <...>.</i></p>	<p>MM: Почему не ходили люди из других сел? ИК: Потому что они не любили учиться. А это (интерес бобоштенцев к образованию. — М. М.) началось с моего брата. Он был на тринадцать лет старше меня. И он вот так начал, пешком ходить. Тогда мы ходили утром, с восьми до двенадцати, потом с двух часов и до четырех. После четырех часов мы <...> ночью, зимой ночь длинная. Мы говорили о снеге, сейчас его много в Москве, но и тут снег иногда выпадает в таком количестве. И на дороге не было много автомобилей, которые бы ездили. Ни одного автомобиля не было на дороге. Идешь в снегу прямо досюда, пешком. Так мы начали ходить. <Обучение> во Французском лицее занимало девять лет. Отсюда я ходил до Корчи, а потом начал ездить на велосипеде. Около трех лет: пешком, пешком <...></p>
<p>MM: <i>A so bičikl'eta kolku vreme?</i> IK: <i>Dur bitisa, dur od devet godini.</i></p>	<p>MM: А на велосипеде сколько времени? ИК: Пока не закончилось, девять лет.</p>

<p>MM: <i>Kolku sata so bičikl'eta?</i> IK: <i>Za odenje? Trjeset i pjet minuti, i za varnaĵe se trĵabjāše poveke. Čunki esti mnogo nagore da se <...>iš. Koga ođiš dolu. Така сме počnali da ođime vo Korča. I od Boboštica ućel'e mnogo, i druge sela ese poblisku od Boboštica za vo Korča, i od Drenova ođe da uće, toko bjāje ni polovinata od boboštĵani šo ođaje da uće vo Korča. Pomalo. Koga druĵete sela, šo ese ovkolu Korča, ne ođel'e ič vo škol'e <... > da uće, ne odea, ne. Koga nĵe сме sakali ućenjeto, pravinata e toa.</i></p>	<p>MM: Сколько часов на велосипеде? ИК: Ехать? Тридцать пять минут, а на возвращение нужно было больше. Потому что надо ехать в гору. Когда едешь вниз. Так мы начали ездить в Корчу. И из Бобоштицы учились многие, другие села находятся ближе к Корче, чем Бобоштица, и из Дреновы ходили учиться, но их там училось более чем в два раза меньше, чем бобоштенцев. Меньше. А из других сел, которые вокруг Корчи, вовсе не ходили учиться. А мы любили учиться, что правда, то правда.</p>
<p>MM: <i>Pse ju deshit të shkoni të mësoni atje në Pragë?</i> IK: <i>Atëherë mbaroi lufta. Bitĵsa vojnata. I jas sem ĵmal' završeno gimnazium. I ja sakal' da ođa vo visoka škol'a.</i></p>	<p>MM (по-албански): Почему Вы решили уехать учиться в Прагу? ИК (по-албански): Тогда закончилась война. (по-македонски) Закончилась война. И я закончил гимназию. И хотел попасть в университет.</p>
<p>MM: <i>Vo Albanija ne mjāše?</i> IK: <i>Ne mjāše visoka škola tua vo Albanija. <Kače> i brat i imjāše završeno, i jas saka da oda da nauča.</i></p>	<p>MM: В Албании тогда не было университета? ИК: Нет, в Албании не было университета. Так что и мой брат закончил, и я хотел поехать учиться.</p>
<p>MM: <i>A toj? Isto taka vo Praga imjāše završeno?</i> IK: <i>Ne, toj vo Paris, vo Francko, vo Paris. Pred vojnata toj, bjā trinajse godine bjā golĵam od mjene. Toj bjā završen od koga... I taka, bjā komunizmo i sakal'e koj saka da ođi da uči. <...> I taka me tĵja, od carščinata, me pušči mene da otĵda vo Praga da uča za mekanika. Dobro. Jāskaj otĵdoj vo Praga. Pĵat godine.</i></p>	<p>MM: А он? Он тоже закончил университет в Праге? ИК: Нет, он учился в Париже, во Франции. Еще до войны, он был на тринадцать лет старше меня. Он закончил еще когда... И вот, был коммунизм и захотели... кто хочет отправиться учиться. <...> И вот, они меня, от государства меня отправили в Прагу учить механику. Хорошо. Поехал я в Прагу. Пять лет.</p>
<p>MM: <i>Kako ođajte do Praga?</i> IK: <i>Beše vednaš na četĵriest i šesta godina, vednaš koga završi vojnata. Počnal'e... trebĵāše da si ođime vo Praga, da beĵme od vo septemvri, toko nĵe не сме moĵel'e. Počnavme da ođime vo Čer... Montenegro, tuka. Čekajme tamo nekoj dva-trĵ novi. Posl'e otĵdojme vo Sarajevo.</i></p>	<p>MM: Как Вы ехали до Праги? ИК: Было это в сорок шестом году, сразу после войны. Начали... надо было отправиться в Прагу, чтобы мы были там с сентября, но мы не смогли. Поехали в Черногорию, тут. Подождали там около двух-трех дней. Потом отправились в Сараево.</p>

Литература

- Антонова-Василева 2011 — *Антонова-Василева Л.* Документи на езика на с. Бобошница, Корчанско (Р. Албания) // Македонски преглед. Списание за наука, литература и обществен живот. Год. XXXIV. 2011. Кн. 3. Софиа, 2011. С. 113–124.
- Асенова 2007 — *Асенова П.* Бележки върху българските говори в Албания // Българските острови на Балканите. София, 2007. С. 45–51.
- Бояджиев 1968 — *Бояджиев Т.* Аналитични форми с глагола *имам* в тракийските говори // Известия на Института за български език. Кн. 16. София, 1968.
- Видоески 1981 — *Видоески Б.* Бобошница // *Fonološki opisi srpskohrvatskih / hrvatskosrpskih, slovenačkih i makedonskih govora, obuhvaćenih opšteslovenskim lingvističkim atlasom.* Sarajevo, 1981. S. 753–761.
- Лорд 1994 — *Лорд А.* Сказитель. М., 1994.
- Макарец 2011а — *Макарец М. М.* Образы России и Европы у славян Бобошницы (область Корчи, Албания) // К. В. Никифоров, И. А. Седакова (ред.). Образ России на Балканах: Мифологемы, идеологемы, религиозные, исторические и культурные связи. Доклады российских ученых к научному коллоквиуму Международной ассоциации по изучению стран Юго-Восточной Европы (Варшава, 7–9 ноября 2011 г.). М., 2011. С. 58–69.
- Макарец 2011б — Проблема идентичности и система ценностей у носителей славянского говора *in statu moriendi* // Эволюция ценностей в языках и культурах / Отв. ред. И. А. Седакова. М., 2011. С. 151–168.
- Макарец 2011в — *Макарец М. М.* К вопросу об *л*-формах в славянском говоре Бобошницы, обл. Корчи, Албания // *Acta Linguistica Petropolitana.* Т. 7. Ч. 3 / Отв. ред. Н. Н. Казанский, Д. В. Герасимов. (Труды Института лингвистических исследований РАН. Т. VII. Ч. 3). СПб., 2011. С. 360–365.
- Макарец (в печати) — *Макарец М. М.* Система личных местоимений в славянском говоре с. Бобошницы (округ Корчи, Албания) // Исследования по славянской диалектологии. М. (в печати).
- Марковиќ 2007 — *Марковиќ М.* Ароманскиот и македонскиот говор од охридско-струшкиот регион во балкански контекст. Скопје, 2007.
- МДАБЯ — *Соболев А. Н., Воронина И. И., Лопашов Ю. А., Русаков А. Ю.* Малый диалектологический атлас балканских языков. Синтаксическая программа. СПб., 1997.
- Милетич 1937а — *Милетич Л.* Нови сведения за македонските българи в Бобошница (Корчанско) и техният език // Македонски преглед. X. № 3 и 4. 1937. С. 19–32.

- Милетич 1937б — *Милетич Л.* Образци от говора на с. Бобоштица (Корчанско) // Македонски преглед. X. № 3 и 4. 1937.
- Милетич 1937в — *Милетич Л.* Най-старинният днес български говор е в Македония // Македонски преглед. XI. № 1 и 2. 1937.
- Ницолова 2008 — *Ницолова Р.* Българска граматика. Морфология. София, 2008.
- ОЛА 1994 — Общеславянский лингвистический атлас. Вступительный выпуск: Общие принципы. Справочные материалы. М., 1994.
- Селищев 1931/1981 — *Селищев А. М.* Славянское население в Албании. София, 1931. (Репринт: 1981).
- Снегаров 1933 — *Снегаров И.* Един важен български документ от Корчанско // Македонски преглед. IX. № 1. 1933. С. 1–16.
- Спасов 2001 — *Спасов Љ.* Говорот на Бобошт(шч)ица денес (врз основа на нов снимен материал) // XXVII Научна Конференција на XXXIII меѓународен семинар за македонски јазик, литература и култура. Скопје, 2001. С. 227–231.
- Толстой 1977/1999 — *Толстой Н. И.* О соотношении центрального и маргинальных ареалов в современной Славии // Н. И. Толстой. Избранные труды. Т. II. Очерки по славянскому языкознанию. М., 1999. С. 10–30.
- Шклифов 1971 — *Шклифов Б.* Общността на говора на село Бобоштица с костурския говор // Български език. XXI. № 1. 1971. С. 71–73.
- ADGJSh — *Atlasi dialektologjik i gjuhës shqipe / B. Beci, Gj. Shkurtaj, Xh. Gosturani; Bashkëpunuan A. Dodi, M. Totoni; Drejt. J. Gjinari. Vëll. 1–2. Napoli, 2007–2008.*
- Asenova 2012 — *Asenova P.* Balkan borderline phenomena through the prism of areal linguistics // *Zeitschrift für Balkanistik*. III. № 2. 2012. P. 149–157.
- Bartoli 1945 — *Bartoli M.* Saggi di linguistica spaziale. Torino, 1945.
- Courthiade 1988 — *Courthiade M.* Les derniers vestiges du parler slave de Boboščica et Drenovene (Albanie) // *Revue des études slaves*. LX. № 1. 1988. P. 139–157.
- Courthiade 1993 — *Courthiade M.* Un parler slave singulier: le „kajnas“ d’Albanie orientale // *Balkanica Posnaniensia. Acta et studia*. VI. 1993. P. 237–326.
- DeLancey 2001 — *DeLancey S.* The mirative and evidentiality // *Journal of pragmatics*. № 33. 2001. P. 369–382.
- Dhamko 2010 — *Dhamko S.* Th. Boboshtica. Historie. (Një variant). Boboshtica, 2010 (рукопись).
- Djamo-Diaconița L.* Contributions à l’étude du lexique d’un patois slave d’Albanie (Boboscica et Drenovjâne) // *Romanoslavica*. 16. 1968. P. 175–192.
- Djamo-Diaconița L.* Formarea cuvintelor în graiul slav din Boboștița // Македонски јазик. 32–33. 1982. С. 215–225.
- Friedman 1988 — *Friedman V. A.* Morphological innovation and semantic shift in Macedonian // *Zeitschrift für Balkanologie*. Band 24/1. P. 34–41.

- Friedman 2006 — *Friedman V. A.* Balkans as a Linguistic Area // K. Brown (ed.). *Encyclopedia of Language & Linguistics*. Vol. 1. Oxford, 2006. P. 657–672.
- Lehr-Splawiński 1929 — *Lehr-Splawiński T.* Gramatyka połabska. Lwów, 1929.
- Mazon 1936 — *Mazon A.* Documents, contes et chansons slaves de l'Albanie du Sud. Paris, 1936. (Bibliothèque d'études Balkaniques — V).
- Mazon, Bajrova 1965 — *Mazon A., Filipova-Bajrova M.* Documents slaves de l'Albanie du sud. II. Pièces complémentaires. Paris, 1965. (Bibliothèque d'études Balkaniques — VIII).
- Šrámek 1934 — *Šrámek E.* Le parler de Boboscica en Albanie: étude expérimentale d'une prononciation // *Revue des études slaves*. XL. № 3–4. 1934. P. 171–203.
- Steinke, Ylli 2007 — *Steinke Kl., Ylli Xh.* Die Slavischen Minderheiten in Albanien (SMA). Teil 1. München, 2007.

УДК 811.16

ББК 81.2

С 47

Редколлегия:

А. М. Молдован (отв. ред.),

С. М. Толстая (отв. ред.),

Ж. Ж. Варбот,

В. М. ЖИВОВ,

А. А. Плотникова

Славянское языкознание. XV Международный съезд славистов. Минск, 21–27 августа 2013 г. Доклады российской делегации / Ответственные редакторы А. М. Молдован, С. М. Толстая. — М.: Индрик, 2013. — 672 с.

ISBN 978-5-91674-257-2

Сборник докладов российских языковедов, подготовленный к XV Международному съезду славистов в Минске, посвящен актуальным вопросам славистики, таким как славянская этимология, сравнительно-историческое изучение славянских языков, праславянский язык, межславянские языковые контакты, диалекты славянских языков, их возникновение, развитие и современное состояние; лингвогеография; грамматика; история церковнославянского языка; национальные языки и национальные культуры; социолингвистические и прагматические аспекты; история славянских литературных языков и др.

Для лингвистов широкого профиля, историков.

© Коллектив авторов, Текст, 2013

© Издательство «Индрик»,

Оформление, 2013

ISBN 978-5-91674-257-2